

ЛИТОВСКО-РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1991—2011 ГОДАХ

Д. Якнюнайте, Р. Вильпишаускас

История двусторонних отношений между Россией и Литвой официально начинается 29 июля 1991 года с подписания литовско-российского Договора об основах межгосударственных отношений. Хотя на момент подписания Россия еще была Советской Федеративной Социалистической Республикой, по договору стороны признавали суверенитет и независимость друг друга. Борис Ельцин, глава РСФСР в то время, не упускал возможности вызвать раздражение лидеров Советского Союза и завоевать популярность среди россиян. Литва, со своей стороны, после провозглашения независимости 11 марта 1990 года стремилась максимально заручиться политической поддержкой у всех возможных сторон. Таким образом, договор имел большое политическое значение для обеих стран и демонстрировал единство интересов. В действительности, как показало время, этот период был лучшим в истории двусторонних отношений, стороны разговаривали друг с другом, у них был общий противник, и имевшиеся проблемы не считались неразрешимыми.

Довольно скоро наступило время, когда отношения между странами уже нельзя было назвать дружественными или даже просто нормальными. Представляется, что и сейчас, по прошествии 20 лет с момента установления отношений, в них нет стабильности. На протяжении этих 20 лет отношения складывались по-разному, за открытой напряженностью и словесными перепалками следовала инертность и полное безразличие, которые, в свою очередь, сменялись периодами осторожных или натянутых отношений.

Анализируя двусторонние отношения, важно понимать различия между этими государствами. И Литва и Россия были республиками Советского Союза и теоретически обладали одинаковым статусом в составе советского государства. Однако в реальности даже тогда в СССР их статус отличался: одна была наиболее значимой республикой, язык и политическая элита которой доминировали в стране, другая была небольшой национальной республикой на западных окраинах страны. Диспропорция в положении только увеличилась после распада СССР, когда Россия, став приемником СССР, получила в наследство от него долги, положение в мире и ядерный арсенал. Таким образом, инициатива в отношениях и в том, как они должны развиваться, в основном принадлежала России, за исключением тех случаев, когда Литве удавалось неожиданно форсировать их или привлечь третью сторону к обсуждению проблем в двусторонних отношениях.

Данная статья посвящена двадцатилетней истории двусторонних контактов и демонстрирует непростые отношения между странами. Считается, что на протяжении двух десятилетий на отношения влияли несколько факторов: бремя противоречивой истории и ее разные толкования, господствующие в этих странах, диспропорция в экономических отношениях, особенно в сфере энергоресурсов, которая стала источником постоянной напряженности и разногласий во внутривнутриполитической жизни Литвы, и вытекающие из этого трудности по сглаживанию напряженности на двустороннем уровне и на международных площадках, а также разное понимание странами региональной безопасности.

В истории отношений можно выделить четыре крупных периода, в каждом из которых на повестке дня были разные вопросы. Обзор этих вопросов не только показывает динамику развития отношений в исторической перспективе, но и дает хорошее представление о проблемах, которые связаны с нынешним статусом отношений. В ходе первого периода, который длился с 1991 по 1994 год, начали формулироваться главные правила в отношениях, возникли первые трудности, и была решена первая дипломатическая задача. Вторым периодом с 1994 по 2004 год характеризовался активными шагами, которые предпринимала Литва для вступления в НАТО и ЕС и для выстраивания отношений с Россией через эти организации. На протяжении третьего периода с 2004 по 2008 год оба государства пытались адаптироваться к политической обстановке, которая сложилась в результате расширения НАТО и ЕС и политических трансформаций в регионе. Текущий период с 2008 по 2011 год — период «стагнации» и «зрелости»: кажется, что ничего нового на двустороннем уровне не происходит, точки несогласия уже понятны, и по ним едва ли возможен компромисс, а на повестке в отношениях двух государств преобладают две проблемы — вопросы энергетики и политическая трактовка истории¹.

1991—1994 годы. Построение государства. Литва провозгласила независимость 11 марта 1990 года. Но на тот момент ее признали только два западных государства: Исландия и Дания². Как уже упоминалось, Россия, не будучи еще суверенным государством, 29 июля 1991 года признала независимость Литвы. Однако признание в соответствии с нормами произошло только после августовского путча 1991 года в Москве, когда стало окончательно ясно, что Советский Союз разваливается. Месяц спустя после путча Литва установила дипломатические отношения с большинством государств в мире. Главной внешне- и внутривнутриполитической задачей стало получение реального статуса государства посредством полноценного участия в жизни международного сообщества.

Приоритетом только что образованного независимого государства стало решение проблемы вывода контингента Советской армии, размещенного на территории Литовской республики. Литва стремилась максимально ускорить вывод войск. Россия, хотя и согласилась на вывод контингента,

который теперь принадлежал ей, все же пыталась затянуть этот процесс. Российская Федерация располагала огромным контингентом войск в бывшей Восточной Германии и других странах Центрально-Восточной Европы. Помимо этого, существовала необходимость разместить солдат и офицеров с семьями внутри страны. Поэтому в начале 1992 года Литва стала оказывать давление на Россию с тем, чтобы ускорить урегулирование этого вопроса, и приблизительно в это время отношения начали ухудшаться.

Внешнеполитическое руководство Литвы выбрало двухуровневую стратегию для достижения этой цели. Первая линия поведения заключалась в том, чтобы вести диалог напрямую с российским руководством, а вторая была направлена на мобилизацию международного сообщества в свою поддержку³. В том, что касается непосредственных контактов с российской стороной, наиболее значимым представляется вклад Витаутаса Ландсбергиса, лидера независимого движения и на тот момент председателя Верховного Совета Литвы, фактического главы государства. Его личные связи с президентом России Борисом Ельциным также немало способствовали достижению этой цели. В 1992 году Ландсбергис посещал Москву и встречался с Ельциным трижды. Хотя уже в ходе первого визита Ландсбергис сумел добиться обещания и заверений Ельцина в том, что план будет подготовлен через месяц, процесс шел очень медленно, что расстраивало литовскую сторону. У политиков в Литве складывалось впечатление, что политическое руководство России делает вид, что соглашается, зная, что процесс застынет на более низком уровне, на этапах проработки деталей и согласования чиновниками.

Попытки заручиться международной поддержкой были куда более успешны. Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) стала главным и удачным объектом для такой деятельности. Организации удалось добиться от России признания того, что вывод войск из стран Балтии — обязательство России не только перед этими государствами, но и перед международным сообществом в целом. В 1992 году Литва и другие страны Балтии активно лоббировали на этапе подготовки включение этого вопроса в итоговый документ саммита ОБСЕ в Хельсинки. В итоговом документе 1992 года говорилось: «Мы выражаем поддержку странам—участницам СБСЕ в том, что касается решения мирным путем и посредством переговоров проблем, унаследованных из предыдущего этапа, таких как размещение вооруженных сил других стран на территории государств Балтии без их согласия. Поэтому в соответствии с основополагающими принципами международного права и с тем, чтобы предотвратить любую возможность конфликта, мы призываем заинтересованные страны заключить без промедления соответствующие двусторонние соглашения, которые в том числе должны включать сроки скорейшего организованного и полного вывода таких сил с территорий стран Балтии»⁴. Литовские политики сочли такое упоминание огромным дипломатическим успехом, и с этой точки зрения бескомпромиссная позиция литовского руководства оказалась продуктивной.

В конце концов, в августе 1992 года Россия проявила инициативу, интенсивные переговоры на министерском уровне были начаты и завершены 8 сентября подписанием соглашения между министрами обороны, согласно которому окончание вывода войск было намечено на 31 августа 1993 года. Хотя процесс шел далеко не гладко, сроки вывода войск не поменялись, и 1 сентября 1993 года на территории страны российских/советских войск уже не было, таким образом, первая внешнеполитическая задача в отношении с Россией была решена. Это событие имело огромное политическое и символическое значение для страны.

Поскольку этот вопрос имел и немаловажное значение для внутривнутриполитической ситуации, дебаты о том, как выстраивать отношения с Россией, были напряженными, и ответ на этот вопрос определял принадлежность к тому или иному политическому лагерю. Литовский лидер Ландсбергис был человеком харизматичным и авторитетным. Во времена борьбы за независимость его влияние и харизматичность объединяли людей, но уже к концу 1991 года у него начали появляться противники. Его обвиняли в охоте на ведьм и монополизировании власти.

Критиковали его и за проводимую политику в отношении России и внешнеполитический курс Литвы в целом. Оппоненты Ландсбергиса полагали, что он занимал слишком жесткую и непримиримую позицию по отношению к России, воспринимая ее как врага. Они утверждали, что эта политика неизбежно сказывалась на экономических отношениях между странами. Такое мнение не было безосновательным. Экономическая система осталась с прежних времен, была негибкой и ослабленной. Литва была отрезана от большого российского рынка и пока еще не сумела найти других направлений для экспорта. Установление границ, введение пограничных правил, большое долговое бремя и непреклонная политическая позиция тоже не способствовали развитию экономических контактов с Россией. Довольно скоро Литве пришлось признать насколько сильно она зависит от российских энергоресурсов, а с годами зависимость и беспокойность по этому поводу только возросли, и в настоящий момент вопросы энергетики являются одними из наиболее важных в двусторонних отношениях с Россией⁵.

Выборы в Литве, прошедшие осенью 1992 года, коренным образом изменили расклад сил на внутривнутриполитической арене, Ландсбергис со своей партией утратил власть и во многом влияние и стал лидером оппозиции. Большинство теперь принадлежало Литовской демократической лейбористской партии, бывшей коммунистической партии. Чуть позже в феврале 1993 года лидер этой партии Альгирдас Бразаускас был выбран первым президентом Литовской Республики. До этого и сам Бразаускас, и его партия постоянно критиковали руководство Литвы за их политику в отношении России. Они настаивали на прагматичном подходе, учитывающем текущую обстановку и исключая излишние и бесполезные заявления, которые только задавают российскую сторону, а на практике не приносят никаких результатов⁶. Таким образом, неудивительно, что изменения в правительстве рассматривались как

возможность мягко перезапустить отношения с Россией. Этим надеждам так и не суждено было сбыться. Примирительная позиция обезоружила⁷ самих «миротворцев», они лишились единственного эффективного инструмента, которым располагала Литва, — внимания международного сообщества. Довольно скоро партия оказалась в положении, в котором за полгода до этого находился Ландсбергис: с одной стороны, давление России, с другой, давление литовской оппозиции.

Калининградская область — западная часть Российской Федерации, эксклав на побережье Балтийского моря, отделенный от территории России территорией Литвы и Польши. В экономическом отношении это относительно плохо развитый регион России с очень высокой степенью милитаризации. Хотя так или иначе вопрос о Калининграде постоянно присутствует в двусторонней повестке дня, дважды за историю отношений между этими государствами он оказывался ключевым. Первый раз в 1993—1994 годах при обсуждении воинского транзита, а также в 2002—2003 годах при обсуждении нового визового режима и правил транзитного проезда для гражданских лиц⁸. Часть контингента, выведенного из бывшей Восточной Германии, также была размещена в Калининградской области, а это означало необходимость согласовать правила воинского транзита через территорию Литвы. В ноябре 1993 года была достигнуто временное соглашение о транзите через территорию Литвы военного контингента, выводимого из Германии. Соглашение действовало до конца 1994 года, что означало, что в 1994 году должны будут состояться переговоры. В этот раз Россия твердо настаивала на заключении специального соглашения, предоставляющего право осуществлять воинские перевозки через территорию Литвы железнодорожным, воздушным и автомобильным транспортом, и согласилась на предложенные Литвой в ходе переговоров общие условия, действующие в отношении любого государства, запрашивающего транзит. Вместо того чтобы согласиться с общими правилами о транспортировке опасных грузов и о воинских перевозках, Россия продолжала требовать заключения специального соглашения⁹.

Тем временем Россия начала оказывать давление с другой стороны, продолжая откладывать ратификацию соглашения о торгово-экономических отношениях, заключенного одновременно с подписанием временного соглашения о транзите. Литва была заинтересована в этом соглашении, так как оно предоставляло ей режим наибольшего благоприятствования в торговле. Звучали угрозы и другого характера: ограничить поставки нефти и газа¹⁰. Переговоры зашли в тупик, но через какое-то время компромисс был найден, и действие раннее принятых временных правил транзита было продлено. Этот результат литовскую сторону совсем не устраивал и демонстрировал, насколько трудно вести переговоры с Россией, особенно имея так мало рычагов воздействия. В обмен на это Литва получила ратификацию экономического соглашения. И практически без каких-либо дальнейших осложнений с 1996 года Россия осуществляет воинский транзит согласно литовским правилам¹¹.

Соглашение о гражданском транзите из/в Калининград было заключено довольно быстро. По нему граждане Литвы имели право въезжать на территорию Калининградской области без визы, так же как и жители Калининградской области могли без визы въезжать на территорию Литвы, гражданам России следующим из/в Калининград не требовалась транзитная виза. Визовый режим был пересмотрен в 2002 году, когда Литва должна была принять законодательство ЕС и Шенгенские правила, и исключение, делавшееся по отношению к российским гражданам, было изъято.

Таким образом, на протяжении первых лет стало очевидно, что самым простым путем достижения внешнеполитических целей Литвы в отношениях с Россией является привлечение внимания международного сообщества, а также, что зависимость Литвы от России в экономической и энергетической сферах будет более ощутима, чем представлялось изначально, и будет играть гораздо большую политическую роль, чем хотелось бы Литве. Прямая, категоричная, идейная и непреклонная позиция Литвы определенно вызывала раздражение российской стороны, но и прагматичный подход, уступки и сглаживание острых углов, по-видимому, также оказались неэффективны. На протяжении всех лет двустороннего сотрудничества мы будем наблюдать эту ситуацию неоднократно.

1995—2004 годы. Процесс расширения двух организаций. В 1994 году были окончательно определены и сформулированы две стратегические внешнеполитические цели: Литва поставила задачу стать членом НАТО и ЕС. Обе эти цели вместе с третьей — поддерживать хорошие дружественные отношения с соседними странами — стали приоритетами внешней политики Литвы на следующие 10 лет. Отношения с Россией в этот период выстраивались в контексте процесса расширения этих организаций.

После того как в конце 1994 года был решен вопрос с транзитом из/в Калининград, наступил период относительного затишья в двусторонних отношениях, и официальную позицию можно было сформулировать как «у нас нет проблем». Хотя у Литвы оставались неразрешенные проблемы (разграничение сухопутной и морской границы, нефтяное месторождение в Ниде, возвращение зданий дипломатических миссий в Риме и Париже, вклады во Внешэкономбанке, невозвращенные литовские архивы), позицией литовского правительства было не провоцировать ненужную напряженность.

Позиция России в отношении расширения этих организаций отличалась радикально. Россия всегда и во всеуслышание выступала против расширения НАТО, но мягко поддерживала или, по крайней мере, не сильно возражала против расширения ЕС.

В самом начале позиция России в отношении расширения НАТО не была отрицательной. В середине 1993 г. Ельцин, находясь с визитом в Варшаве, заявил, что восточноевропейские страны свободны присоединяться к любому альянсу. Однако вскоре позиция поменялась, и было определенно заявлено, что расширение НАТО не совпадает с российскими интересами. Неприятие

присоединения стран Центрально-Восточной Европы к НАТО основывалось на том, что военный альянс подойдет слишком близко к российским границам, будет угрожать безопасности страны и ослабит ее обороноспособность.

Литва воспринимала НАТО как главного и единственного гаранта своей безопасности, а Россию, хотя это никогда не произносилось, как главную угрозу, членство в НАТО подразумевало защиту от России. Таким образом, любые возражения со стороны России в отношении расширения НАТО, каковы бы ни были причины и аргументы, в Литве воспринимались как еще одно свидетельство того, что Россия хочет видеть Литву и два других государства Балтии в своей сфере влияния. И только вступление в НАТО давало Литве возможность разговаривать с Россией почти на равных.

Во второй половине 1995 года стали звучать более резкие и категоричные заявления с российской стороны. Сергей Крылов, заместитель министра иностранных дел, заявил, что не может быть и речи о вступлении стран Балтии в НАТО, в противном случае Россия примет экономические и политические меры. Повторяющиеся разного характера незначительные инциденты, в основном нарушение воздушного пространства, нежелание подписывать договор о разграничении, постоянное недовольство правилами и условиями воинского транзита из/в Калининград характеризовали отношения между странами в тот период.

Одним из главных условий для вступления в НАТО является урегулирование страной всех территориальных споров. Договор о границе между Литвой и Россией существовал, но переговоры по нему шли с 1993 г., не принося никаких видимых результатов вплоть до января 1997 года, когда было окончательно согласовано 90% сухопутной границы. В октябре 1993 года во время официального визита Бразаускаса в Москву были, наконец, подписаны два договора, регулирующие пограничный режим¹². Однако, как обнаружилось позднее, процесс ратификации российской стороной занял гораздо больше времени, чем ожидалось. В тот момент министр иностранных дел России Евгений Примаков сделал необычный шаг, заявив 23 сентября 1997 года на заседании Генеральной Ассамблеи ООН, что Россия заинтересована в стабильности в странах Балтии и готова гарантировать их безопасность, если эти государства заключат договоры о добрососедских отношениях. Он даже упомянул, что в дальнейшем возможно трансформировать эти договоры в пакт о региональной безопасности. Такое же предложение было сделано в ходе официального визита литовского президента в Москву. При этом были даны заверения в том, что не стоит опасаться никаких неожиданностей со стороны России. Неудивительно, что не только Литва, но и другие страны Балтии с подозрением отнеслись к этому предложению и отвергли его. Слишком уж совпадало предложение по времени с процессом расширения НАТО, к которому Россия относилась скептически. Итак, Литва снова подтвердила свою готовность стать членом НАТО без промедления¹³.

Литва прилагала все усилия, чтобы быть идеальной страной-кандидатом в члены НАТО и активно участвовала в программе Партнерство ради мира.

Но сначала ей пришлось пережить жестокое разочарование — страны Балтии не вошли в НАТО во время первой волны расширения организации, она распространилась только на Польшу, Венгрию и Чехию. Это вызвало большое разочарование в кругах, принимающих внешнеполитические решения, в основном из-за того, что это демонстрировало, что Запад еще не принял окончательного решения или боится вызвать слишком большое раздражение со стороны России. После этого наметившийся небольшой прогресс в отношениях пошел на спад и в 1996—1997 годах отношения стали необычно холодными, формальными и недружественными. Также в то время стало понятно, что на страны Балтии не распространится первая волна расширения, и вопросы, связанные с Литвой, а также с Латвией и Эстонией, отошли на второй план в российской внешней политике¹⁴.

В начале 1998 года стало ясно, что Российская дума не ратифицирует договор о границе в ближайшее время. Договор был ратифицирован только летом 2003 года — через пять лет после его подписания. И сделано это было с помощью и под давлением Евросоюза как часть пакета документов, включающего в себя соглашения о правилах Калининградского транзитного режима. Одно из объяснений такого длительного затягивания решения вопроса состояло в том, что пока Литве не поступало официально приглашения от НАТО присоединиться к блоку, существовала надежда, что отсутствие договора о границе с Россией может вызвать сложности. Но когда это не сработало, Россия приняла решение смириться со сложившейся ситуацией¹⁵.

29—30 марта 2001 года президент Литвы Валдас Адамкус посетил Москву. Это был второй и последний официальный визит президента Литовской Республики в Россию. Однако этот визит не принес никаких значимых результатов, несмотря на попытки правящих внешнеполитических кругов Литвы добиться ратификации договора о границе. В совместной декларации были обозначены только расхождения во мнениях. Было отмечено, что каждая страна имеет право выбирать собственную политику безопасности, не угрожая безопасности других стран¹⁶. Эта относительно умеренная позиция уже свидетельствовала о постепенном изменении отношения России к расширению НАТО и некотором взаимопонимании. После этого Россия не продемонстрировала почти никакой реакции на сделанное летом 2001 года заявление Джорджа Буша о твердой решимости США расширять НАТО.

Однако Россия никогда официально не демонстрировала своего согласия с процессом расширения НАТО, и эта риторика не менялась до объявления официальной даты расширения. Исключениями являлись некоторые заявления политиков и чиновников среднего уровня. Например, в 2000 году последовала новая волна критики расширения НАТО, которая, по всей вероятности, была спровоцирована недавно принятым литовским парламентом законом о компенсации ущерба, причиненного советской оккупацией. Вскоре после этого во время своего визита в Германию новый президент Российской Федерации Владимир Путин заявил, что вступление стран Балтии в НАТО «будет иметь серьезные» последствия для европейской безопасности. Лит-

ва ответила открытой критикой России, выраженной в декларации Сейма. И снова началась активная словесная перепалка¹⁷. Похожий обмен негативной риторикой происходил в начале 2004 года непосредственно перед вступлением Литвы в НАТО¹⁸. Казалось, что обе стороны ожидали подобного развития событий и приняли и вступление Литвы в НАТО и обязательную негативную реакцию России на это как должное, более не пытаясь изменить позиции друг друга.

Ослабление противодействия России вступлению Литвы в НАТО было связано с расширением еще одной организации, а именно Евросоюза. Литва начала переговоры о вступлении в Евросоюз в марте 2000 года, и России пришлось обратить на это свое внимание, так как на политической повестке дня стоял вопрос Калининграда. Калининград вскоре должен был стать эксклавом Евросоюза, окруженный его государствами-членами. И Литве нужно было готовиться к вступлению в Шенген, что означало введение визового режима для тех, кто будет въезжать в регион или выезжать из него через Литву. Россия была в списке государств, чьим гражданам необходима виза для пересечения внешних границ Евросоюза. Таким образом, исключение из этого правила, которое было сделано в 1990 годы для российских граждан, утрачивало свое действие. Переговоры между Литвой, Россией и Евросоюзом еще раз доказали, что участие внешнего влиятельного актора уменьшает асимметрию отношений между Литвой и Россией и предоставляет Литве больше вариантов и возможностей.

Вступление в НАТО и в Евросоюз были использованы Литвой как основной инструмент для регулирования отношений с Россией. Другими словами, усиление безопасности и экономической взаимозависимости с трансатлантическими партнерами стало основой внешнеполитической стратегии Литвы. Ожидалось, что альянс с западными либеральными демократиями также укрепит безопасность Литвы и усилит ее позиции на переговорах с Россией. По сути, с 2004 года эти две институциональные структуры стали основными инструментами формулирования и проведения политики Литвы в отношениях с Россией.

2005—2008 годы. Период адаптации. В 2005—2008 годах обе страны предпринимали попытки адаптироваться к политической обстановке, изменившейся после вступления Литвы в Евросоюз и НАТО. Достижение двух внешнеполитических целей, а именно — получение членства в НАТО и Европейском Союзе — стало не только большим успехом литовской внешней политики, но в то же время поставило перед ней сложные задачи. «На первый взгляд может показаться, что нам оставалось только продолжать в том же духе ...но продолжать было нечего, так как поставленные движением “Саюдис” стратегические цели были уже достигнуты»¹⁹. Вскоре стало очевидно, что стране нужны новые внешнеполитические приоритеты. В определенных кругах начали пропагандировать идею «золотой провинции» Евросоюза. Утверждалось, что в теперь внешняя политика Евросоюза станет

внешней политикой Литвы. В первые два года идея превращения Литвы в «региональный центр» приобрела особенную популярность среди влиятельных политических деятелей.

Весной 2004 года исполняющий обязанности президента страны Артурас Паулаускас объявил об изменении внешнеполитической стратегии Литвы. Было признано, что «Литва сможет достичь этой цели (т.е. превращения в региональный центр), если станет активным и привлекательным центром интеграционного взаимодействия, пропагандирующим евроатлантические ценности в духе толерантности и сотрудничества; центром, который объединяет культуры и цивилизации»²⁰. Пропагандировалось активное участие Литвы в коллективных евроатлантических структурах, а также активная поддержка политики расширения Евросоюза и НАТО, стимулирование сотрудничества с Россией, Украиной, Беларусью, Молдовой и Южным Кавказом, с одной стороны, и Евросоюзом и НАТО — с другой.

Это стало результатом понимания того факта, что Литве необходимо найти свою нишу в европейских и евроатлантических структурах. Основной целью было восточное направление внешней политики Евросоюза, а также нахождение посредством нее «эффективных механизмов влияния на Россию»²¹. Таким образом, по сути своей, политика Литвы в этот период была направлена на то, чтобы косвенно вызвать недовольство России своим активным участием в политических процессах соседних стран в регионе. Грузия, Украина и отчасти Беларусь стали основными целями в новой внешнеполитической стратегии.

Конечно же, усилия Литвы по активизации своей роли в региональной политике были отмечены Россией и не вызвали одобрения с ее стороны. Основной причиной для беспокойства стала тенденция к усилению американского и, в меньшей степени, европейского присутствия в СНГ, в котором Литва позиционировала себя как «контрагент их влияния»²². Кроме того, в середине 2006 года появилась еще одна причина ухудшения отношений Литвы с Россией — вопрос о поставках нефти и разногласия по поводу нефтеперерабатывающего предприятия Мажейкяй Нафта. В общем, в 2005—2006 годах прослеживалась тенденция политизации экономических отношений, которая сильна и в настоящее время.

Стала применяться тактика «маргинализации» Литвы и других стран Балтии на международной арене (создание негативного образа этих стран, как нарушающих права человека (к Литве это относилось в меньшей степени) и поддерживающих нацистских преступников.) В том же году большинство литовских политиков укрепились во мнении, что весьма наивно ожидать чего-либо хорошего от России, позиция которой вряд ли изменится.

Во второй половине 2006 года активная региональная политика Литвы, проводившаяся на востоке с весны 2004 года, стала вызывать сомнения в обществе. Ключевые фигуры, принимающие внешнеполитические решения в Литве, сменились, также как и те, кто не поддерживал литовскую внешнеполитическую риторику последних четырех лет, и выражали надежду, по

крайней мере, в публичных выступлениях, на то, что стоит еще раз попытаться наладить отношения с Россией.

2009—2011 годы. Между историей и энергетикой. С 2009 года во внешней политике Литвы наметился не декларируемый в открытую отказ от региональных амбиций в пользу более тесного сотрудничества с Евросоюзом и НАТО, в том числе и с целью использования этих международных организаций для продвижения своего политического курса и способствования принятию выгодных для страны решений. Была сформулирована основная стратегия: цель состоит в том, чтобы отношения России с НАТО и Евросоюзом не могли бы строиться, не принимая во внимание позиции Литвы. В 2009 году новоизбранный президент Литвы Даля Грибаускайте внесла изменения во внешнеполитическую риторику (в том числе и касательно отношений с Россией), выдвигая на передний план прагматизм и конструктивный подход. Позже Министерство иностранных дел Литвы переняло оптимизм президента и начало говорить о «новой эре» в Литовско-Российских отношениях. Но все же кардинальных перемен в двусторонних отношениях не произошло. Россия не проявляла интереса, а восприятие России Литвой не изменилось. Существуют две основные причины такого безразличия: принципиально разные позиции в интерпретации событий новейшей истории и энергетическая проблематика.

История. Роль истории в политике выражается в разногласиях по поводу оккупации 1940 года и требованиях компенсации за нанесенный в советский период ущерб и совершенные преступления²³. Основной вопрос, который возникает, очень прост — были ли события 1940 года оккупацией, или чем-то иным. И если это все же была оккупация, возникает другой вопрос — каким образом должна осуществляться компенсация. Естественно, этот вопрос важен для обеих сторон. Если это была оккупация, тогда Россия несет ответственность за агрессию против суверенного государства и должна принести извинения и даже выплатить компенсацию. Но если оккупации не было, тогда следует признать, что вступление в состав СССР было добровольным решением Литвы. Такая позиция многое меняет, и уже речь идет не только о том, кто кому должен платить, но и об образе страны, который она сама себе создала и об ее изложении важнейших исторических фактов. Таким образом, этот спор явно проигрышный.

Это проблема была не нова. Верховный Суд Республики Литва еще 4 июня 1991 года принял резолюцию «О компенсации ущерба, причиненного СССР Литовской Республике и ее гражданам в период с 1940 по 1991 годы»²⁴. В июне 1992 был проведен референдум по вопросу «Вывода войск Российской Армии и компенсации причиненного ущерба», и большинство граждан страны высказалось за то, что «ущерб, причиненный литовскому народу и литовскому государству, должен быть компенсирован». Первоначально, литовская сторона пыталась поднимать этот вопрос на переговорах по выводу войск, но эти попытки не увенчались успехом. С 1993 года правительства

новых созывов почти не поднимали этот вопрос, так как было бы нереально рассчитывать на какие-либо позитивные сдвиги в этом направлении²⁵. Относительное затишье в этом направлении наблюдалось до 2000 года, пока в июне Председатель Сейма Лансбергис не выступил с инициативой принять Закон «о компенсации ущерба, нанесенного Литве в результате советской оккупации». Закон был принят. В соответствии с принятым законом, Литовское правительство должно было провести переговоры с Россией по поводу компенсации и определить размер ущерба «в том числе и размер компенсационных выплат литовским гражданам за ущерб, причиненный им в ходе советской оккупации и ее последствий, а также затрат на возвращение на родину депортированных лиц и их наследников»²⁶.

9 июня 2000 года в качестве реакции на обсуждения в литовском парламенте Российское Министерство иностранных дел сделало заявление, в котором говорилось, что ошибочно считать, что включение Литвы в состав СССР было произведено последним в одностороннем порядке. В заявлении также говорилось, что заявления об агрессии или оккупации не учитывают политические, исторические и юридические реалии, и поэтому являются необоснованными. Обе стороны должны признать, что исторический контекст событий был сложным и неоднозначным и ни одна из сторон не может выиграть в этом споре. Для Литвы это вопрос важного политического значения, но, с другой стороны, как отметил Лауринавичюс (2006, 124) «не следует надеяться, что Россия официально признает свою ответственность (это вопрос, относящийся к ее безопасности) ...и у большинства россиян это не встретит одобрения». Таким образом, в 2000 году однозначно и официально позиции сторон были признаны непримиримыми.

Вопрос оккупации вновь стал предметом дискуссии среди широких слоев населения в Литве, когда активно обсуждался вопрос, следует ли президенту Валдасу Адамкусу посетить Москву, чтобы принять участие в праздновании 50-й годовщины победы во Второй мировой войне. В 2005—2006 годах позиция России стала более решительной, и мнения в Литве по вопросу оккупации стали все больше расходиться²⁷.

Энергетика. Зависимость Литвы от поставок энергоносителей из России достаточно часто вызывала разногласия и неуверенность среди литовской политической элиты. В политических дебатах в Литве регулярно поднимались вопросы о том, что финансирование некоторых политических партий было связано с энергетическими компаниями, работающими с российскими поставщиками энергоносителей²⁸. Закрытие нефтепровода «Дружба» рассматривалось большинством влиятельных литовских политиков как политический ответ российских властей на продажу нефтеперерабатывающего предприятия Мажейкяй Нафта польскому инвестору и приводилось в пример для подтверждения мнения о том, что бизнес и политика в России тесно связаны и отношения в области энергетики используются для манипулирования.

Какая бы партия ни была у власти в Литве, правительства каждого следующего созыва использовали членство Литвы в Евросоюзе, чтобы по возможности «европеизировать» двусторонние отношения с Россией и подключить Евросоюз, или хотя бы Европейскую Комиссию, к решению вопросов, вызывающих наибольшие противоречия, таких как, например, поставки природного газа. В то же время российские проекты в сфере энергетики, которые могут усилить позиции России в переговорах и создать условия, при которых поставки энергоносителей в другие европейские страны, например в Германию, смогут осуществляться минуя транзит через государства Балтии, вызывали серьезную озабоченность у литовских властей.

Проект «Северный поток» рассматривался как ключевой инструмент возможного манипулирования.

С 2004 года Литва использовала возможности включать в повестку дня отношений между Россией и Евросоюзом вопросы, имеющие для нее важность с точки зрения двусторонних отношений с Россией. Например, при обсуждении продления Соглашения между Россией и Евросоюзом о партнерстве и сотрудничестве Литва подняла ряд вопросов в формате Евросоюза, как то возобновление поставок нефти из России по нефтепроводу «Дружба», которые были прекращены с 2000 года. Это требование было заявлено вместе с требованием Польши, чтобы Россия сняла запрет на импорт мяса из Польши. Хотя впоследствии Польша сняла свое вето на начало переговоров о новом договоре по сотрудничеству России и Евросоюза весной 2008 года, Литва подняла ряд дополнительных вопросы по поводу присоединения России к Энергетической Хартии. Среди этих вопросов были компенсация ущерба, причиненного Литве советской оккупацией, депортации в Сибирь и уголовные преследования участников событий в Вильнюсе 13 января, а также разрешение конфликтов в Молдове и Грузии.

Хотя эти вопросы были приняты во внимание партнерами Литвы по Евросоюзу, усилия Литвы увенчались весьма скромными успехами с точки зрения достижения поставленных целей, а не просто привлечения внимания к важным для нее вопросам. Стоит отметить, что в определенной степени по некоторым вопросам ситуация с тех пор только ухудшилась, например, ситуация в Грузии и на ее территориях Южной Осетии и Абхазии.

Недавнее решение литовского правительства принять версию третьего энергетического пакета ЕС, в соответствии с которой подразумевается полное разукрупнение собственности в секторах электроэнергетики и природного газа, также вызвало недовольство среди российских инвесторов, а именно Газпрома, который имеет долю в литовской газовой компании *Lietuvos Dujos*. В этом вопросе правительство Литвы тоже решило взять на вооружение подход «европеизации» и попыталось подключить к своим переговорам с российским поставщиком природного газа Еврокомиссию и таким образом включить этот вопрос в повестку дня отношений между Россией и Евросоюзом. До сих пор попытки литовского правительства заручиться поддержкой институтов Европейского союза были вполне результативны,

однако, остается неясным, как на практике будет происходить разукрупнение в газовом секторе, в котором основной литовской компанией частично владеют российские и немецкие инвесторы.

В данный момент Россия является единственным поставщиком природного газа для Литвы, и планы оборудовать терминал сжиженного газа на побережье Балтийского моря и связать литовскую газовую сеть с польской являются основными проектами, нацеленными на снижение зависимости Литвы от поставок природного газа из России. Вопрос цен на газ, которые Литва считает завышенными, остается одним из основных в политической повестке дня Литвы и, вполне возможно, будет поднят в ходе парламентских выборов осенью 2012 года. В секторе электроэнергетики приоритетом является создание связи с системами электроснабжения Швеции и Польши, что также ставит перед собой цель — снижение энергозависимости от России.

Политическая риторика Литвы в ее отношениях с Россией и переговорах с Евросоюзом всегда подчеркивала важность таких ценностей, как соблюдение прав человека и верховенство закона, особенно в годы после ее вхождения в Евросоюз и дебатов в Евросоюзе в 2007—2008 годах. В последнее время на первый план в риторике литовских ведущих политиков вышел прагматизм, но это не привело ни к интенсификации сотрудничества, ни к улучшению двусторонних отношений. Хотя разногласия по поводу торговли и трения, связанные с импортом литовских продуктов на российский рынок, стали возникать реже, противоречия по поводу реформы газового сектора и цен на газ преобладают в двусторонних отношениях.

- Двусторонние отношения были и остаются асимметричными. Основная стратегия, которая используется Литвой для поднятия отношений на новый уровень — это интернационализация и европеизация своей политики по отношению к России.
- Отношения с Россией являются важнейшим и неотъемлемым компонентом в формулировании политики Литвы, и идея о том, что Россия представляет опасность для Литвы, все еще является определяющей для внутренней и внешней политики страны.

¹ Как обычно, хронологическое разделение является до некоторой степени произвольным, некоторые вопросы, возможно, возникли раньше или сохраняли свою актуальность и позднее.

² Словения и Хорватия только недавно получили независимость и тоже признали Литву 16 мая 1991 и 3 августа 1991 соответственно.

³ Vitkus. 2006. С. 30.

⁴ Итоговый документ саммита ОБСЕ в Хельсинки 1992.

⁵ Дополнительную информацию о роли энергетики в двусторонних отношениях см. в четвертой части статьи.

⁶ Vitkus. 2006. С. 37.

⁷ Там же. С. 38.

⁸ Второй вопрос, касающийся транзита гражданских лиц из/в Калининград более подробно будет обсуждаться в контексте расширения Евросоюза в следующей части.

⁹ Sirutavicius & Stanyte-Talockiene. 2003. С. 192.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 193.

¹² Договор между Литовской Республикой и Российской Федерацией о государственной границе между Литвой и Россией; Договор между Российской Федерацией и Литовской Республикой о разграничении исключительной экономической зоны и континентального шельфа в Балтийском море.

¹³ ELTA, «Rusijos garantijos negali uhtikrinti Lietuvos saugumo». 1997. October 30.

¹⁴ Karabeshkin. 2007. С. 73.

¹⁵ e.g. Vitkus. 2006. С. 62.

¹⁶ Сообщение Пресс-службы Президента Российской Федерации, 2001, 30 марта, 2001/03/30-4. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://archive.kremlin.ru/text/psmes/2001/03/32255.shtml>.

¹⁷ Vitkus. 2006.

¹⁸ Jakniūnaitė. 2008.

¹⁹ Vareikis, цитируется в Lopata 2009.

²⁰ Договор политических партий Литовской Республики «Об основных целях и задачах внешней политики страны на период 2004–2008». Вильнюс, 2004. 10 мая.

²¹ Lopata. 2009. С. 163.

²² Lopata. 2010.

²³ Еще одним «злободневным» вопросом является вопрос отправления правосудия над теми официальными лицами, которые были ответственны за убийства, совершенные 13 января 1991 года.

²⁴ Закон о компенсации ущерба, причиненного оккупацией СССР, 13 июня 2000. No VIII — 1727. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www3.lrs.lt/pls/inter3/dokpaieska.showdoc_l?p_id=104885, оценен 18 августа 2011.

²⁵ В 1998 году российское Министерство иностранных дел в ответ на заявления заместителя председателя Думы Сергея Бабурина заявило, что Советский Союз не оккупировал и не аннексировал страны Балтии. Присоединение стран Балтии не было нарушением норм международного права, потому что до войны положение о запрете угрозы силой по отношению к другому государству не было незаконным. Позиция Литвы была ясна. Заявление продемонстрировало отход от договора 1991 года, в котором признавалась аннексия Литвы.

²⁶ Закон о компенсации ущерба. Ст. 2.

²⁷ Jurgelevičiūtė. 2006.

²⁸ См.: *Smith K. C. Lack of Transparency in Russian Energy Trade. The Risks to Europe.* Center for Strategic and International Studies, Washington, D.C. 2010. July.